

18+

Ирина Дронова
Ангел,
роняющий перья

Ирина Дронова

Ангел, роняющий перья

«Издательские решения»

Дронова И.

Ангел, роняющий перья / И. Дронова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-905931-4

Каждый день как возможность чуда... Будь то ангельское пёрышко в потоке солнечного света или вырвавшиеся наружу слёзы радости; будь то глаза Бога в облике хулигана или открытие истины через боль; будь то нечаянные находки или обретение любви на всю жизнь. Многие рассказы написаны в Греции. Поэтому маковые поля, сиртаки, дом на горе, острова и море — это оттуда.

ISBN 978-5-44-905931-4

© Дронова И.
© Издательские решения

Содержание

Ангел, роняющий перья	6
Блажь	8
Грэй	11
Голубь	15
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Ангел, роняющий перья

Ирина Дронова

© Ирина Дронова, 2020

ISBN 978-5-4490-5931-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Ангел, роняющий перья

Она уже и не помнила, когда это началось, и где это произошло. Просто однажды подняла пёрышко с асфальта, легонько подула на него и подумала, что это – знак Ангела. Она положила пёрышко в карман, а дома осторожно опустила его в пустую круглую коробку. Так бы и забыла об этом небесном привете, но на следующий день она увидела другое пёрышко и, подобрав и его, тоже отправила в коробку.

Были дни, когда она не замечала ничего вокруг, не то что какие-то пёрышки. Но потом она находила их вновь и вновь. Иногда это было какое-нибудь всклокоченное мокрое перо, которое было неприятно взять в руки, но она поднимала и его, вздыхая на ходу: «Наверное в этот раз Ангел бился за меня. Ведь и правда, день выдался непростой...».

Как-то она вытащила пёрышко даже из ключей проволоки, протянутой по верху забора. «Это ж через какие препятствия пришлось тебе пройти, милый мой Ангел!» – сокрушалась она.

День ото дня коробка наполнялась. Она ловила слепленные водой пёрышки в море, находила их в обивке кресла, буквально выхватывала из-под колёс машины...

Иногда случалось, что она вообще не выходила из дома и работала за компьютером. Однако и здесь она видела «приветы» от Ангела: то попадалась на глаза какая-то странная фотография перьев в новой технике, то строки поэта об ангелах, пересекающих город во всех направлениях...

Иногда ей казалось, что Ангел просто играет с ней. Однажды она увидела, как в комнате, в потоке солнечного света, парит крохотное белое пёрышко. Откуда ему было взяться? Подушки набиты синтепоном, одеяла с овечьей шерстью, а перины так вообще остались детским воспоминанием.

Но как-то раз ей на глаза попало чёрное перо. Дело было на пляже, светило солнце, и вроде бы ничто не предвещало беды. Однако она испугалась и прямо в пляжном платье отправилась в монастырь. Там, у входа, пришлось облачиться в оставленную монахинями чужую юбку и покрыть голову платком. Первое, что она увидела, зайдя в монастырскую лавку за свечками, было изображение Ангела на красочной картонке, которое сопровождали слова архимандрита Иоанна Крестьянкина: «Старайся жить в присутствии Ангела Хранителя – и увидишь, как дивно Он всё устроит».

Она купила эту картонку, чтобы повесить дома рядом с иконами, и всю обратную дорогу думала, что жить в присутствии Ангела – это, наверное, не просто видеть знаки, которые он посылает, не просто собирать пёрышки в коробочку. Если он рядом, он всё видит, всё чувствует, всё понимает. И наверное, всё прощает, надеясь, что завтра откроются твои глаза, и ты увидишь свои грехи, захочешь избавиться от дурных помыслов и направишь всю свою энергию на дела, угодные Богу...

Прошло несколько лет. И однажды ночью ей приснился сон. О том, что в комнате из темноты ночи появился её Ангел, она догадалась не по шелесту крыльев, не по необычному свечению – ничего такого не было – а по ощущению той всеобъемлющей Любви, которая, казалось, превратила воздух в волшебную плазму.

Ангел, вздохнув, присел на краешек кровати. Это был небольшого роста, сухонький мужчина со впалыми добрыми глазами – совсем не такой, каким она его себе представляла.

– Я знаю, я виновата перед тобой... Прости... Тебе, наверное, стыдно за меня ТАМ, наверху? – пролепетала она.

– Мне не может быть стыдно за тебя, потому что я тебя люблю, – едва заметно улыбнулся Ангел. – Да, я много плакал о тебе, потому что ты не чувствовала моего присутствия. Ты таскала меня по своим дорогам, на которых я в кровь сбивал ноги, ты оступалась, и я падал вме-

сте с тобой, чтобы облегчить твою боль. Но теперь оглянись назад и ты увидишь тот рубеж, от которого начался твой путь в обратную сторону, путь из темноты к свету.

– Да, падая, я много поняла, это правда. Но я ещё не успела сделать ничего значительного: я не спасала детей от войны, я никого не вытащила из пламени или воды, я даже не отдала никому частичку своей крови...

– Я всё знаю, – Ангел по-отечески приобнял её за плечи. – Ты делала то, что было в твоих силах, и на что имелся промысел Божий. Для Господа нашего не важно, чего ты смогла достичь – куда важнее, как ты боролась. Да, я видел, как ты собирала мои пёрышки – это была забавная игра! Ты даже не замечала, как тем самым я лишь подправлял твои шаги в нужном направлении. Я готов был отдать тебе и ангельские крылья, но это было невозможно. Я просто терпеливо ждал, когда у тебя появятся свои. И вот этот час настал.

– Ты пришёл мне сказать, что я готова умереть?

– Нет. Я пришёл сказать, что ты готова стать Ангелом.

Блажь

– Во мне застряли слёзы, – Настя сжалась в комочек, примостившись на старом диване.
– Так поплачь! – ласково отозвался отец из-за стола, на котором чинил старую электроплитку. Он и правда не видел никаких причин для грусти.

– Так не плачется! – передразнила его Настя.

– Может тебя побить? – уже с улыбкой спросил отец покосившись на ремень.

– Не поможет. Я умею терпеть боль. А ты сильно-то бить не сможешь.

– Ну тогда я не знаю... – отец стал серьёзнее. – Может быть вспомнишь что-нибудь грустное?

– Нет ничего такого в голове, из-за чего было бы грустно.

– Может быть это блажь, а, Настя?

– А что такое блажь?

– Ну типа каприз, прихоть.

– То же мне, объяснил...

– Ну если хочешь проще – то дурь и чепуха.

– Ага. – Настя помолчала. – Но слёзы-то застряли, я чувствую.

– Ох, Настя, шла бы ты лучше в огород, прополола грядки.

– И то правда! – Настя нехотя поднялась, собрала разметавшиеся по плечам волосы в хвост, поёрзала ногами по полу в поисках шлёпанцев и, наконец, пошла к двери.

Отец проводил её взглядом, полным любви и обожания. И тут же, в который раз, стал размышлять о том, как Насте не хватает матери, о том, что он совершенно не разбирается в этих странных девичьих перепадах настроения и абсолютно не знает, как воспитывать девочку, которая вот-вот превратится в прекрасную девушку. Был бы это мальчик, он увлёк бы его рыбалкой и футболом, научил бы понимать повадки животных и разбираться в технике, брал бы его с собой в дальние походы и на сплавы по горным речкам. А что Настя? Большую часть года она живёт в посёлке с бабушкой, ходит там в школу и мечтает о каникулах у папы, в лесной сторожке. Конечно, цивилизация дошла уже и сюда, не такая уж это и глушь, есть и сотовая связь, и Интернет, и несколько каналов телевидения. Но вокруг нет ни людей, ни магазинов, ни мест, где можно было бы развлечься.

Настя никогда не жаловалась на одиночество, чаще читала книги, чем смотрела телевизор, часами что-то рисовала в своём блокноте. С подружками общалась через социальные сети, выкладывая для их восхищения фотографии божьих коровок, необычных цветов, прикормленных птиц, ручных ёжика и зайца, кого-нибудь из оравы кошек и котят, величавого пса по имени Хан.

Правда теперь, как сказала Настя, телефон стал «глючить», и сам собой решился вопрос, какой подарок сделать ей на день рождения – пусть будет айфон, как она мечтала. Может быть это тоже была блажь, только блажь взрослого человека, пытавшегося компенсировать недостаток любви за счёт дорогих подарков. Мама Насти умерла, когда ей был всего лишь годик, и всё это время ему казалось, что он чего-то не додаёт своей дочери. Как бы он её ни любил, это была только половинка любви, потому что вторую половинку должна была заполнить материнская любовь. Как было бы спокойно, если бы они обнимали свою доченьку с двух сторон! Как было бы радостно целовать её сразу в обе щёчки!

Мужчина, наконец, закончил свою работу, убрал инструменты в ящик, смахнул мусор со стола. Надо было собираться в дорогу, чтобы успеть в поселковый магазин за телефоном. Завтра с утра он положит подарок рядом с Настинной кроватью, а когда она проснётся, то-то будет визга!

– Настёна, я в посёлок, начальство вызывает! – крикнул он с порога.

– Пап, если что, привет твоему Сергею Петровичу! А если будешь мне тортик выбирать, не забудь, что со взбитыми сливками мне как-то не очень нра!

– Дочь, ты же вроде бы умные книжки читаешь, что это за «нра», не «нра»?

– Простите, исправлюсь!

Заводя машину, он наконец, успокоился – кажется, Настины застрявшие где-то слёзы рассосались сами собой, теперь её настроение, в предвкушении дня рождения, улучшилось – может она и догадывается, что завтра её ждёт новый телефон.

Дорога до посёлка занимала больше двух часов, и мужчина, действительно, собирался всё успеть – выбрать тортик, купить продукты и забрать в магазине специально заказанный из города айфон для Насти. С начальником, с Сергеем Петровичем, он встречаться, правда, не собирался, но в контору лесного хозяйства всё-таки заскочил – поздороваться с коллегами, выпить по чашке кофе и самое главное – ещё раз увидеть прекрасную секретаршу Леночку, которая появилась здесь полгода тому назад.

Когда он возвращался домой, уже стемнело. Но беспокоиться было не о чем: дорога была хорошо просохшей после недавних дождей, встречные машины лишь изредка попадались на отрезке пути до последнего хуторка. Наконец, он свернул в сторону своей сторожки, и остался наедине с лесом. Хотелось побыстрее преодолеть и этот кусочек дороги, юркнуть в уют своего домика с маленькой хозяйюшкой, которая уже заварила чай с лесными травами, как он любит. Но вдруг фары выхватили из темноты дороги крохотного оленёнка на дрожавших тонких, как верёвочки, ножках. Мужчина тут же затормозил и, прихватив фонарик, выскочил из машины. Оленёнок стоял как замороженный.

Ночь, которая не предвещала ничего особенного, поломала все мечты и планы. Недалеко от дороги лесничий обнаружил следы крови, и нетрудно было догадаться, что браконьеры здесь убили, а затем увезли олениху. За десять лет работы на его участке заказника ничего подобного не случалась – охотники сюда вообще не заглядывали. Скорее всего сегодня браконьеры воспользовались его отъездом, специально выслеживали, когда он уедет в посёлок. Теперь нужно было всё-таки звонить начальнику, дожидаться полицию, чтобы составить акт. Он не стал рассказывать Насте о случившемся, зная её сентиментальность. По телефону сказал, что сломалась машина, ждёт эвакуатор, вернётся в посёлок, переночует у дяди Коли, к утру машину починят, вернётся домой. Настя поверила, сказала только: «Ок, тогда я спать, позвони, когда будешь выезжать утром».

Рано утром он не стал звонить дочери, боясь её разбудить. Но на его удивление, как только колёса машины зашуршали по выложенной галькой площадке, Настя выбежала на крыльцо прямо в пижаме.

– Папочка! – девочка обняла отца, едва тот открыл дверцу машины!

– С днём рождения, родная моя! Смотри, какой подарок я тебе привёз.

Он открыл заднюю дверцу и достал оленёнка, укутанного в кусок брезента.

Настя подлетела, уткнулась лицом в нежную шестку малыша и вдруг расплакалась.

– Настя? Да ты не расстраивайся... Я купил тебе настоящий подарок. Вот... – он протянул коробку с айфоном, но Настя даже не посмотрела в его сторону.

Слёзы из глаз девочки потекли ещё сильнее, она хлопала носом и совсем не могла говорить, глядя и глядя оленёнка по голове.

Наконец, она смогла произнести, слегка запинаясь от всхлипов:

– Он урчит, как... как... котёнок.

Теперь она улыбалась, хотя её покрасневшие щёчки всё ещё были влажными.

– Спасибо, папочка, это самый лучший подарок в моей жизни!

– Так почему же ты плакала?

– Это и были мои застрявшие слёзы. Ты разве не знал, что люди иногда плачут и от радости?

Ночью отец Насти заметил на столе забытый дочерью альбом для рисования. Все её рисунки были с одним сюжетом: девочка и оленёнок.

Грэй

Щенок был уже не маленький, может быть, трёхмесячный. Светлана подумала, что не рискнёт такого зубастого даже погладить и осталась сидеть в машине, пока коричневого с желтыми подпалинами кобелька упаковывали в коробку. Это был не чистокровный «немец», но породу выдавали и умные миндалевидные глаза, и смешно торчащие ушки, и длинная сильная шея, и прямые мускулистые конечности.

Когда коробку поместили на заднее сиденье автомобиля, щенок затаился: он, вопреки ожиданиям, не скулил, не пытался выбраться.

– Как бы ты его назвала? Ну, давай, придумай-ка ему кличку! – Антонис сел за руль, на время избавив Светлану от мученической роли начинающего водителя.

– Грэй, – вдруг произнесла она, сама удивившись такому скорому выбору.

– Что значит «Грей»?

– Ничего не значит. Это герой одного романа, который приплыл за любимой девушкой на корабле под алыми парусами.

– Кто писатель?

– Грин.

– Гримм? – переспросил парень, намеренно растягивая «м».

– Нет. Гримм – это братья Гримм, сказочники. А этот писатель – Грин. Он был романтик. Писал о море. О любви. О мечтах. О том, что каждый может сделать для близкого чудо.

– Хорошо. Очень хорошо! Пусть будет Грэй! Ну-ка, позови его!

Светлана обернулась, поскребла ногтями по коробке:

– Грэ-эй! Грэй!

Щеночек молчал.

– Ничего, привыкнет, – с уверенностью сказал Антонис, лихо свернув на просёлочную дорогу перед носом у громоздкого трактора.

Поговорили ещё о том, где он разместит своего друга, чем будет его кормить, когда будет делать ему паспорт и прививки. Теперь Светлана уже довольно хорошо знала греческий, чтобы что-то обсуждать.

За окном мелькали маковые поля, пасущиеся на лугу лошади, живописные греческие домики. Светлана уже дня два тому назад решила для себя, что этот парень, который не оправдал её надежд, как хороший работник – он много курил, часто пил кофе и отвлекался на какие-то посторонние дела, будет вычеркнут из списка её контактов раз и навсегда. Но сегодня она не могла отказать ему в этой поездке – она слишком любила животных и слишком верила, что четвероногие могут круто изменить жизнь даже самых пропащих хозяев.

То, что Антонис нуждается в чьём-то участии, в преданной бескорыстной любви, догадаться было не сложно. Такие люди цепляются к тебе всеми крючками своей души, продемонстрируй им хоть малейшее расположение, они ходят за тобой по пятам, в надежде сослужить добрую службу и получить кусочек тепла взамен, они много говорят и много спрашивают, лишь бы разговор вдруг не прервался, и человек не повернулся бы к ним спиной.

Светлана очень быстро узнала, что Антонис – сирота, живёт только с бабушкой. С его слов, мать умерла, когда он был маленький, а 55-летний отец скончался от болезни печени не так давно.

– Ах, жалко, он был моих лет, – сказала Светлана, демонстративно подчёркивая свой возраст.

– А знаешь сколько лет мне? – спросил Антонис.

– Двадцать восемь?

– Нет, тридцать один.

– Да, велика разница! Что ж ты не женат до сих пор? Ах, да! Вы же здесь до сорока лет говорите: «Ты что? Я ещё молодой!» Так, да? – Светлана рассмеялась.

– Для меня жениться не проблема. Просто мне нужна правильная женщина.

– Что значит правильная для тебя? Чтобы не курила, не пила, была верной и не просила денег?

– Нет, ничего такого. Даже возраст для меня не имеет значения. Я должен посмотреть в глаза и почувствовать...

– А-а! Это да, это – правильно...

Высокий, худой, как жердь, с короткой стрижкой ёжиком, в которой уже блеснула редкая седина, с непонятными татуировками на руках, с серьгой в одном ухе, со смещенной переносицей и испорченными зубами, Антонис производил весьма жалкое впечатление. Но всё это уходило на второй план, растушёвывалось, когда он смотрел на тебя голубыми чистыми глазами, будто принадлежащими совсем другому человеку. Он говорил правильные, иногда даже умные вещи, насколько Светлана могла понять его греческий. Подзывая её кошку, он щёлкал изящными тонкими пальцами пианиста, если не брать во внимание грязные, плохо подстриженные ногти. Светланина кошка такие приёмы не признавала, Антонис чертыхался:

– А! Всё забываю! Это я своих приучил к таким звукам, сразу сбегаются все.

Для Светланы люди, которые любят кошек и собак, сразу же определялись в особую достойную касту. Однако хорошее расположение к парню дало сбой, когда тот открыл ей ещё одну страницу своей жизни. Как-то она спросила, когда он сделал татуировки. Наверное, Антонис мог бы и соврать, но он огорошил её своим откровением:

– Несколько лет тому назад, в тюрьме.

– Ты сидел в тюрьме? – Светлана очень надеялась, что неправильно его поняла.

– Да, четыре года. Поймали за продажу наркотиков.

Светлана молча присела на скамейку.

– Все успели убежать, а меня схватили, – продолжал он. – А знаешь как было? Продавал наркоту, было много денег, все друзья набивались в машину, ехали на бузуки, веселились до утра, я платил за всех... Да, кстати, машину разбил потом, хорошая была, BMW. Да и нетбук разбил как-то. Со злости. И телефон...

– Надеюсь ты там, в тюрьме, получил хороший урок? – задала она глупый вопрос, не придумав ничего лучшего.

– Да, урок получил. Видишь, теперь работаю, – ухмыльнулся Антонис и начал набивать дешёвым табаком очередную самокрутку. – Вообще-то я электрик, раньше, когда строили новые дома, отели, было много работы. Сейчас – ничего. Прошлым летом пошёл зарабатывать в бич-бар, сейчас вот стригу газоны и кустарники. А ты звони, если что: может нужно хлеб купить или лекарства. Я знаю, что значит жить за городом – наш дом ещё выше твоего. Я быстро смотаюсь на мотоцикле, зря машину не гоняй.

– Ладно, договорились, – сказала Светлана, подумав про себя, что никогда ни о чем подобном не попросит.

– Да, кстати... Можешь со мной съездить в соседнюю деревню, нужно одной женщине отвести лекарства.

– Хорошо, если близко.

– Это рядом, 10 минут. Поедем по прямой дороге.

На самом деле прямая дорога оказалась не такой уж прямой, почти без асфальта, да и не более короткой, а скорее более длинной, чем обычная, по которой ездят все нормальные люди. Правда, она была совершенно пустынной и живописной. У деревянного моста с горной речкой, бегущей среди огромных валунов и деревьев, Светлана попросила остановить машину, достала свой айфон:

– Сделаешь фото?

Антонис нажимал кнопку до тех пор, пока она со смехом не выхватила телефон обратно. Фото получились потрясающие: солнечный свет, пробивающийся через огромные кроны деревьев, сглаживал черты её лица и Светлана выглядела как счастливая дурашливая девчонка.

У дома, куда Антонис отнёс лекарства, они задержались минуты на три и вернулись домой уже по привычной асфальтированной дороге. И лишь позже Светлана вдруг испугалась: а что если Антонис отвозил в тот дом вовсе не лекарства?

Теперь, когда был решён вопрос со щенком, Светлана подумала, что от услуг Антониса надо отказаться под любым предлогом. Да, ещё оставалось не убранное сено и как попало лежали обрезанные ветки кустарника, но на такие мелочи можно было махнуть рукой и как-нибудь потом самой взяться за грабли. С тех пор, как бабушка-гречанка оставила ей в наследство огромный дом с большим садом, она научилась многому и не боялась никакой крестьянской работы.

Когда Антонис позвонил на следующий день, Светлана объяснила, что ничего уже делать не нужно. Через несколько дней парень просил машину, чтобы съездить с собакой к ветврачу на прививку. Светлана нашла благовидный предлог, чтобы ему отказать. Ещё через несколько дней женщина просто не ответила на его звонок. Роза, которую Антонис как-то привёз ей из своего сада, завяла и была безжалостно выброшена из вазочки. Ещё через неделю Светлана, вспомнив об этом странном парне, подумала: «Слава Богу, отвязался». Хотя это было слабое утешение – она была практически уверена, что встреч в такой маленькой деревне не избежать и, рано или поздно, их дороги могут пересечься.

В один из дней Светлана отправилась в местный храм – была родительская, поминальная суббота перед Святой Троицей. Но оказалось, что служба проходит в маленькой церкви на кладбище, где были похоронены её бабушка и другие родственники. Хоть церковь и носила имя её греческой святой, но это место по соседству с крестами и каменными плитами, женщина не любила, как не любила и то, что местные переименовывали её имя Светлана на Фотини.

У могилок женщины в чёрном раздавали своим знакомым сладости. Какая-то старушка протянула свою коробку и Светлане, буркнув под нос непонятное имя. Женщина постеснялась уточнить и со словами «царствия небесного» заспешила внутрь церкви, где всё было заставлено чашами с коливой и горящими свечами.

Когда все потянулась к выходу, Светлана мечтала только об одном – выпить чашку кофе. Минувя пешком несколько улиц, она заглянула в знакомое кафе и, наконец, с первым глотком бодрящего напитка вернулась к жизни и осознала, что на улице вовсю припекает солнце и можно было бы быстренько переодеться и отправиться на пляж. Прокручивая на телефоне ленту новостей, она, тем не менее, слышала отрывки каких-то фраз от сидящих за соседним столиком греков: «Ты вчера была на похоронах?... Где нашли? На мосту? Боже, что он там делал ночью?... Как думаешь, наркотики?... Ну если у него отец и мать торговал наркотиками, куда ему было деваться?... Жалко парня... Да, Антонис по сути неплохой был пацан...».

Светлана почувствовала такое оцепенение, что больше не могла сделать ни одного глотка. Она перевела взгляд на говорящих молодых парня и девушку, которых видела впервые. Неужели они говорят о том самом Антонисе? Она не знала даже его фамилию. Как спросить? Такой высокий, с серьгой в ухе? Пока она раздумывала, пара расплатилась по счёту и ушла.

Светлана вспомнила, что можно позвонить другому работнику, который рекомендовал Антониса – это был самый лучший вариант, чтобы развеять сомнения. Через пять минут она уже знала, где находится дом Антониса и отправилась туда с твёрдым намерением забрать Грэй. У ворот её встретила бабушка Антониса, в которой она без труда узнала ту самую старушку с кладбища.

После Светлана долго терзалась, и думала, могла ли она спасти Антониса. Но в какой-то момент осознала, что это было невозможно. Конечно, он появился в её жизни вовсе не для

того, чтобы косить газоны и стричь деревья, и даже не для того, чтобы она его спасала. Он появился для того, чтобы было кому о нём молиться. Его бабушка умерла через месяц.

...К осени пёс подрос и весело носился по берегу моря, обдавая Светлану брызгами воды.

– Грэй! Грэй! – звала она, и редкие туристы оборачивались в её сторону.

Голубь

Соборный двор заливал мягкий свет фонарей, и только что выпавший снег казался желтоватым, тёплым. Аня, спустившись со ступенек удивительного храма, в котором, как оказалось, крестился Александр Пушкин, собиралась сделать снимок на память, но увидела серого котика. Он сидел в нескольких шагах от кучки людей, ожидавших священника, и был похож на музейного кота-смотрителя. Аня попыталась его погладить, но кот увернулся. Она покопалась в сумочке и бросила коту печенюшку.

– Ты посмотри! Не хочет! Мьяяса ему подавай! – укоризненно протянул мужчина из ожидающих.

И тут Аня увидела, что между ногами людей притаился белый нахохлившийся голубь. Она хотела было уйти, но в ту же минуту собравшихся позвали вглубь здания, а охотник и жертва остались один на один. Кот с готовностью набросился на ослабленную птицу, но она успела-таки отскочить, помогая себе крыльями.

Через мгновение кот повторил свою попытку, но и в этот раз голубь оказался проворнее кота.

– Щас сожрёт! Этот не отстанет! – наблюдавший за немой сценой охранник территории вовсе не собирался вмешиваться в происходящее.

«Ну уж, нет!» – реакция Ани была молниеносной, она буквально выхватила птицу у вошедшего в азарт кота. Конечно, девушка успела подумать о том, что может подхватить птичий грипп или какую-нибудь другую заразу, но что-то было сильнее доводов разума. Аня завернула голубя в православную газету, которую захватила в храме, расстегнула верх шубы и спрятала птицу за пазуху.

Вначале Аня думала, что просто отнесёт голубя подальше от кота и там его выпустит. Пока она шла к метро, присматривала такое место. Но везде было мокро, грязно, сотни ног месили размякший из-за оттепели снег. Аккурат перед праздником Крещения Господне тридцатиградусные морозы отступили, и это было как-то противоестественно.

Теперь Аня думала, что день вообще выдался каким-то странным. Она впервые отправилась в совсем другую Москву – за окном трамвая мелькали старые малоэтажные здания, усадьбы, купеческие особняки. Наконец, позади остался Лефортовский мост, и трамвай остановился на прямой улице, уходящей к краю серо-голубого неба. Найти нужный адрес, где проходила выставка одной молодой художницы, большого труда не составило – от остановки трамвая требовалось лишь перейти дорогу. Но во внутреннем дворе старого дома Аня растерялась. Она беспомощно обвела глазами подъезды и потайные двери без каких-либо табличек и указателей, подивилась выступающим вперёд остеклённым конструкциям, напоминающим пространство для движения лифта, заметила металлическую лестницу, ведущую снизу к террасе второго этажа. Наконец, на одной из дверей она увидела рисунок, и пытаясь прочитать, что там написано, подошла поближе. Внезапно дверь распахнулась:

– Вы что-то ищете?

На пороге стоял высокий светловолосый немолодой мужчина в рабочем комбинезоне. Аня вздрогнула и от сознания, что её застали врасплох, покраснела и виновато улыбнулась:

– Да... где-то здесь проходит выставка «Чужие сны».

– А-а! Ну это, кажется, за углом дома. Как выйдете, сразу направо. Мужчина указал рукой в сторону подворотни и неожиданно предложил:

– А вы заходите ко мне, у меня тоже интересно! Заходите-заходите!

Прежде чем переступить порог, Аня успела-таки прочитать на дощечке слева: «Музей бессонницы». Внутри было что-то, напоминающее мастерскую с гигантскими мистическими фигурами женщин. Где-то в глубине комнаты, куда прошёл хозяин интересной квартиры, одна

из скульптур залилась голубовато-зелёным светом. Аня не могла проронить ни слова. Она хоть и не очень хорошо разбиралась в современном искусстве, но каким-то внутренним чутьём поняла, что перед ней работы не просто талантливого человека, а известного признанного Мастера. И это озарение ввело её в такое смущение, что она не посмела даже попросить сделать фотографии.

Позже, в совершенно озадаченном состоянии она думала: «Надо же, в поисках «Чужих снов» забрести в «Музей бессонницы»!

Картины молодой художницы Аня нашла в крошечной галерее, под которую был приспособлен подвал старого дома. Здание, как выяснилось позже, уже давно было облюбовано мастерами кисти и холста, вероятно по той причине, что здесь же находилось одно из подразделений Московского союза художников.

Будь Аня богатой, она непременно купила бы одну картину из подвальчика. Впрочем, она даже не была уверена, что это произведение продаётся и спрашивать не стала. Это был автопортрет художницы – темноволосая девушка в чёрном коротком платье в окружении мифических птиц на яро-красном фоне. Аня нашла в изображении некое сходство с собой – не столько внешнее, сколько нечто более глубокое, спрятанное за осторожными мазками краски и подходящее под определение «мироощущение».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.